

3. *Богатова Г.А.* История слова как объект русской исторической лексикографии. — М.: Наука, 1984. — 255 с.
4. *Ковтун Л.С.* Древние словари как источник русской исторической лексикологии. — Л., 1977. — С. 8 // Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии / Отв. ред. Д.Н.Шмелев. Изд. 2-е, доп. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — С. 36.
5. *Романова Г.Я.* Иноязычная лексика в историческом словаре (на материале тюркских заимствований) // Теория и практика русской исторической лексикографии. — М.: Наука, 1984. — С. 132.

Сокращения древних памятников письменности

- Арс. Сух.* или *Арс. Сух. Проскинитарий* — Проскинитарий Арсения Суханова (1649–1653 гг.) / Под ред. Н.И. Ивановского // Православный палестинский сборник. — Т. VII. — Вып. 3(21). — СПб., 1889. — С. 3–300.
- ДАИХ* — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. — Т. X. — СПб., 1867. — 1682–1683 гг.
- Дон. д. III* — Донские дела. Кн. 3 // Риб. — Т. 26. — СПб., 1909. — 1645–1649 гг.
- Кн. Ивер. м. I* — Приходо-расходная книга Иверского Валдайского монастыря 1665–1666 гг. — Рукоп. ЛОИИ. — Ф. 181. — Оп. 2. — № 20.
- М.Гр. Неизд. III* — Неизданные сочинения Максима Грека по рукоп. РНБ. Q. I. № 219 (=Толстого, отд. П, № 241). XVI в.
- Ник. лет. XI* — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // ПСРЛ. — Т. 11. — СПб., 1897, ок. 1526–1530 гг., сп. вт. пол. XVI в., вар. XVI–XVII вв.
- Петр, I* — Письма и бумаги имп. Петра Великого. — Т. 1. — СПб., 1887. — 1688–1701.
- Посольство Барятинского* — Посольство князя Михаила Петровича Барятинского // Памятники дипл. и торг. сношений Моск. Руси с Персией / Изд. под ред. Н.И.Веселовского. — СПб., 1898. — Т. 3. (Тр. Вост. отд.-ния Русск. Археол. об-ва. — Т. 22). — С. 299–562. — 1618–1624 гг.
- Спафарий. Сибирь* — Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примеч. Ю.В. Арсеньева // Зап. РГО по Отд. Этнографии. — СПб., 1882. — Т. X. — Вып. 1. — С. 30–177.
- Х.Афан. Никит.* или *Аф. Ник. Хожд. за три моря* — Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. / Под ред. Б.Д. Грекова и В.П. Адриановой-Перетц. — М.-Л., 1948, сп. XVI–XVII вв.

УДК 81'

Активизация словообразовательных моделей окказиональных языковых единиц в пространстве художественного текста

Исенова Ф.К.

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

Мақалада окказионалды сөздердің (зат есімдердің, сын есімдердің, етістіктердің), өнімді / өнімсіз жұрнақтар мен сөзжасам тәсілдерінің семантика тұрғысындағы қызметінің негізгі мәселелері қарастырылады. Зерттеу белгілі ресей ақыны Белла Ахмадуллинаның поэтикалық мәтіндері материалында жүргізіледі. Мәтіндегі окказионалдылықтың табиғатын зерттеу ақынның жекелік-авторлық әлемі картинасының ерекшеліктерін көруге мүмкіндік береді.

The article is devoted to the basic processes of function of nonce words (nouns, adjectives, verbs) in poetic texts in the from the point of view of semantics, productiveness / non-productiveness of using affixes, and also of ways of word-formation of occasional units and so on. The research of occasional language units is carried out on the material of poetic texts of famous Russian poet Bella Achmadullina. Research of character of occasional units in text enables to show features of Individual Picture of World.

Пространство художественного текста, воплощенное всей совокупностью языковых единиц и возникающими между ними связями, как собственно языковыми, или структурными (грамматическими, словообразовательными, синтаксическими), так и текстовыми, отражает авторскую (индивидуально-авторскую) картину мира. Нет сомнения в том, что творчество писателя или поэта в целом, континуум художественных текстов, в которых реализуется образное переосмысление действительности, и являются источником для воссоздания личности поэта в её исконном виде — в языковой данности слова и эмоциональной насыщенности и завершенности образа мира.

Одним из самых ярких свидетельств уникальности авторской картины мира выступает словообразовательный уровень, в частности, такие случаи использования словообразовательных средств, которые мы относим к *окказиональным*. Окказиональные языковые единицы приобретают такое свойство одноразовости, невозпроизводимости в речи именно на словообразовательном уровне, в сферу действия которого входят словообразовательные и / или словоизменяемые аффиксы, словообразовательные модели (СМ) и словообразовательные типы, способы словообразования. Весь этот круг вопросов нашел отражение в многовекторной терминологически и понятийно научной литературе [1–4].

Одно из важных условий анализа словообразовательного уровня (как, впрочем, и любого другого языкового уровня) — проблема выбора автором тех или иных языковых средств и определение характера и частоты их употребления, что может стать основой выявления не только особенностей рассматриваемого текста, но и особенностей авторской картины мира в целом. Именно поэтому рассмотрение вопроса об активизации отдельных словообразовательных моделей окказиональных слов представляется нам актуальным, поскольку позволяет наметить смысловые сгустки художественного текста, занимающие вполне определенное место в картине мира автора, в его способах изображения действительности [1]. Проблема окказионального слова в художественном тексте относится к числу одной из самых актуальных в языкознании, и лингвистика вводит в научный оборот исследования творчества новых авторов. В этом смысле творчество современной нам поэтессы Б.Ахмадулиной, безусловно, представляет интерес и даёт богатый языковой материал, требующий всестороннего осмысления и фиксации [2–4].

Так, анализ языкового материала наглядно демонстрирует выборность, избирательность отдельных её элементов, как отдельных способов словообразования, так и предпочтительности в выборе словообразовательных аффиксов. Но проявление тенденций, характерных для словообразования литературного языка, характерно и в вопросе описания авторской картины мира. Так, в литературном языке и в континууме языковых реализаций текста наиболее продуктивным выступает суффиксальный способ словообразования в пределах всех частей речи (отметим, что на суффиксальный способ образования слов приходится более 60 % от общего числа производных слов и в литературном языке).

Наиболее активно действует суффиксальное словообразование в области образования имен существительных.

Так, одной из продуктивных моделей, наряду с активным образованием абстрактных имен (ср.: *чудо-лунность, чуланность, пригожесть*), становится словообразовательная модель со значением 'лицо'. В системе языка данное словообразовательное значение передается рядом продуктивных и непродуктивных суффиксов — *тель-, -ец-, чик-, -ник, -ач* и других (ср.: *руководитель, гордец, разведчик, трюкач*). В окказиональном словообразовании Б.Ахмадулиной нами отмечен единственный суффикс *-тель*. Такая избирательность — характерная черта авторской картины мира, в которой любой элемент должен стать узнаваемым, маркированным в пределах пространства текста и (шире) творчества в целом, он также позволяет сохранять некое смысловое единство впечатлений и строго регулируется автором.

*Ну что ж, земля, сегодня — отдых мой,
Ликую я — твой добрый обыватель,
Вдыхатель твоей влажности густой,
Твоих сосудов тёплых обрыватель.*
«Воскресный день». 1961 [5; 56]

Особенностью функционирования окказиональных единиц становится тот факт, что зачастую в пределах стихотворной строки или строфы автор помещает или противопоставляет узуальное слово и окказиональное. Такое «соседство» призвано актуализировать в сознании читателя неожиданные с точки зрения языковой системы ассоциации, которые вполне и закономерно согласуются с образным рядом текста.

СМ прилагательных «сущ.+ -н (ый)» (ср.: *железный, партийный*) также может быть названа одной из самых продуктивных, хотя окказиональность создается за счет созданного в пределах слова семантического сдвига, который проявляется в присвоении идеи признаковости словам, лишенным такого статуса в литературном языке. Ср.:

*Я слышала когда-то,
Мне слышалось иль выдуманно мной
Безвыходное низкое контральто
Вулканный выдох глубины земной.*
«Поступок розы». 1985 [С. 407]

Такой же продуктивностью, как и в литературном языке, характеризуется суффиксальное словообразование наречий. Окказиональность таких случаев создается за счет такого же семантического сдвига или нарушения правила сочетаемости производящей базы и словообразовательного аффикса при сохранении внешних атрибутов образования узуального слова, в частности, это положение наглядно демонстрирует ряд окказиональных наречий, образованных по высокопродуктивной модели «относительное прилагательное + -о-». Ср.:

*Бесчинствуй и пофыркивай моторно.
В чужом дому плачь домовым в трубе.*
«Павлу Антокольскому». 1956 [С. 15]

Или:

*То добрый пес. Но, замирая
И победительно сопя,
надменным взглядом самурая
он сможет защитит себя.*
«Живут на улице Песчаной...». 1958

Мощным потенциалом обладают окказиональные имена, образованные при помощи нулевой суффиксации. Последняя подвергается «остракизму» с различных позиций главным образом в школьной грамматике, но именно в пределах художественного текста такие образования становятся наиболее выразительными:

*Я вас люблю, красавицы столетий,
за ваш небрежный выпорх из дверей,
за право жить, вдыхая жизнь соцветий
и на плечи накинув смерть зверей.*
«Я вас люблю, красавицы столетий...». 1973 [С. 191]

Такие слова в пределах контекста приобретают необходимую автору сжатость и динамизм, заложенный потенциально в глагольной производящей базе (ср.: *выпорхнуть* — *выпорх*, *расплываться* — *расплыв*, *угомониться* — *угомон*), и вместе с тем, словом приобретает некая завершенность картины, в которой главным оказывается не то, что происходит, изменяется, а фиксируется автором в виде наглядной картины, наполненной эмоциями и помещенной во время, которое сгущается и становится живым, подвижным или кратковременным.

В образовании имен существительных отмечаются также менее продуктивные способы, характеризующиеся яркой стилистической окрашенностью словообразовательного средства (ср.: *книж-ищ-е*). Можно утверждать, что и стилистические ресурсы словообразования, в частности, стилистическая окраска (разговорность, просторечие, шутливость) или стилистические оттенки (уменьшительности, увеличительности) становятся весьма устойчивыми в пределах текста, а потому выступают яркой чертой авторской картины мира. Эта картина мира насыщена эмоционально наполненными, противоборствующими смыслами.

*Растает снег. Я в зоопарк схожу.
С почтением и холодком по коже
Увижу льва и: – Это лев! – скажу.
Словечко и предметиче не схожи.*
«Таруса». 70-е [С. 215]

Префиксация, как и суффиксация, — один из самых продуктивных способов словообразования. Префиксы обладают большой смысловой нагрузкой: они не обладают свойством грамматической изменчивости, но вносят существенный вклад в лексическое значение слова. Известно, что наиболее продуктивно используется префиксация в образовании глагольных форм. Нами отмечены случаи префиксального глагольного словообразования и продуктивность отдельных моделей (например, СМ глаголов «с префиксом *от-*+ глаг.») в текстах Ахмадулиной. Ср.:

*Ещё пишу: отвьюжило, отмглось,
Оке наскучил закадычный лёд,
Но в это время чья-то власть и милость
«Спи!» — говорит и мой целует лоб.
«Милость пространства». 10 марта. 1981*

Или СМ «*воз-* + глаг.»:

*Воскресни же — ты воскрешён уже.
Велик и леп, восстань великолепным.
Я повторю и **воздымлю** в уме
Твой первый свет в моём окошке левом.
«Вослед 27-му дню февраля». 1981 [С. 262].*

В последнем случае префикс *воз-* является носителем временного смысла начала процесса (ср.: синонимичная приставка — *за-*). Сам префикс крайне редко используется в языке, он характерен, скорее, для устаревших слов, и его использование Б.Ахмадулиной свидетельствует о некотором тяготении к архаичности слога.

Особую роль в образовании глагольных форм приобретает и морфологическая окказиональность, связанная с переосмыслением парадигм слова: в частности, образование форм 1-го лица глаголов «нарушенной» семантики (ср.: размытость позиции субъектного актанта в значении глагола *воздымить*).

Продуктивна префиксация и в образовании окказиональных имен существительных, например:

*...Столько раз
Я знала здесь печаль, и гордость,
и нежную шагов нетвёрдость,
и нежную **незрячесть** глаз.
«Сон». 1965 [С. 102]
Лишь в полночь меркнет полдень белоснежный,
Оставив блик для рыбы и блесны.
Преобладанье **призелени** нежной
Главенствует в составе белизны.
«Мне дан июнь холодный и пространный...». 1985 [С. 432]*

В первом случае речь идет о модели существительных «*не-*+сущ.», имеющей общее значение — «полное отсутствие того, что названо производящей основой», и усиливающейся неоднократным повтором звукосочетания *не* (*нежную, нетвёрдость, незрячесть*). Во втором случае — *призелень* — о модели «*при-* + сущ.», имеющей значение «неполное наличие того, что названо производящей основой». Первая модель — высокопродуктивная, вторая — продуктивна в меньшей степени.

Интересно отметить, что продуктивные в литературном языке префиксальные словообразовательные модели имен прилагательных в текстах не отмечены, что может быть вызвано их семантической «пустотой» и неостребованностью в пространстве художественного текста.

Отдельные способы словообразования встречаются только в пределах одной части речи, речь идет, в частности, о префиксально-суффиксальном способе словообразования. Отмеченные нами модели могут реализовывать частные словообразовательные значения, варьирующиеся, как и в литературном языке, в широком диапазоне предметных и абстрактных значений (ср.: *безглыбье, заушие*), например:

*Зато, её любившие, брезгливы
Ко мне чернила, и тетрадь гола.
Рак на безрыбье или на **беззлыбье**
Пригорок – вот вам рыба и гора.
«Таруса». 70-е [С. 213]*

*Так зорко, что уже подслеповато,
Так чутко, что в **зауми** звенит,
я стерегу окно, и непонятно:
чем сам себя мог осветить залив?
«Темнеет в полночь и светает вскоре...». 1985 [С. 410]*

Обращает на себя внимание активизация словообразовательных моделей сложных слов. Можно говорить о приверженности поэтического языка к образованию сложных понятий. Сложное слово обладает стилистической окраской книжности благодаря сферам своего функционирования и резкой противопоставленности разговорной речи, где доля сложных слов естественно мала. Сложное слово в тексте является не только стилистически маркирующим ситуацию знаком, но и во многом обладает свойством особого видения окружающего мира, сложного и противоречивого одновременно.

Образование сложных слов характеризует главным образом имена, существительные и прилагательные. Для имен существительных это активизация словообразовательных моделей с различными суффиксами — *j-*, *-t'j-*, *-н'j-*, например:

*Я целовала **крутолобье** волн,
просила море: – Притворись водою!
Страшусь тебя, словно изгнали вон
в зыбь вечности с невнятной звездой.
«Таруса». 70-е [С. 215]*

Или:

*О слово, о несказанное слово!
Оно во мне качается смелей,
чем я, в **светопролитье** небосклона,
качаюсь дрожью листьев и ветвей.
«Я лишь объём, где обитает что-то...». 1982 [С. 317]*

Подобная активность словообразовательных суффиксов может быть охарактеризована и как стремление автора к фонетической (звуковой) орнаментовке стихотворной строки, поскольку среднеязычный звук (*j*), входящий в состав суффиксов, создает совершенно определенный звуковой и ритмический эффекты.

Так же активны сложные имена прилагательные. Ср.:

*В том главное значение стены,
Что скрыт за нею город **сумасходный**.
Он – близко – только руку протяни.
Но есть препона совладать с охотой
иметь. Не возымей, а сотвори
всё надобное, властелин свободный.
«Стена». 1984*

Б.Ахмадулина как мастер слова из обыденных лексических единиц извлекает гамму смысловых метонимических (ср.: *жадно-дышащ*, *всемирно-сущий*, *узко-стройный* и др.) приращений, которые и созданы с помощью комплекса метафорически и параллельно метонимически употреблённых лексических единиц, номинально не обладающих никакими аксиологическими свойствами.

К случаям окказионального словообразования мы относим и окказиональные прилагательные, образованные путем сложения (ср.: *белонощный*, *многонервный*, *многоязыкий*, *общедетский*). Пер-

вая часть таких слов — префиксоиды *много-*, *обще-* — при своей семантической однотипности в литературном языке, безусловно, расширяет свое чисто узуальное значение.

Окказиональные прилагательные ничем не отличаются от узуальных по способу словообразования и по общим модельным значениям, нарушение нормы здесь заключается в том, что таких сочетаний значений нет в языке в пределах одного слова. На наш взгляд, говорить о том, что семантика этих слов препятствовала образованию таких соединений, нельзя. Скорее всего, мы имеем дело с заполнением «пустых клеток» в лексической системе языка, т.е., как было сказано выше, эти окказиональные образования не противоречат норме, просто язык в таких лексемах не нуждался, не было необходимости их создавать и использовать.

Ещё один смешанный способ образования сложных имен, как и в литературном языке, — суффиксально-сложный, или сложение в сочетании с суффиксацией (материально выраженной или нулевой), также действует в образовании имен прилагательных:

– *Всё так и есть! Душепогубный цвет
Смешал тебя! Какой ещё Нефёдов?*
«Черёмуха трёхдневная». 1981 [284]
*Нет у тебя иного зная:
для вечных наущений двух,
для упования и терзанья
цветёт твой болевотворный дух.*
«Черёмуха предпоследняя». 1981

В заключение остановимся на моделях, которые не могут быть отнесены к продуктивным, но наличие таких образований в художественном тексте всегда заметно и значимо — речь идет о так называемых обратных способах. Например:

*Его пожирает отверстие вулкан,
Его не спасёт тихомолка оврага,
Идёт он — и поздно его окликать —
Вдоль пламени, в челюсти антропофага.*
«Хожу по околицам дюжей весны...». 1986 [98]
*Восславив полночь дребезгами бреда,
Часы впадают в бледность забытья.
Взор занят обречённо и победно
Черёмуховой гроздьё бытия.*
«Здесь никогда пространство не игриво...». 1985 [463]

Нетрудно установить, что слова *тихомолка* — *тихомолком* находятся в отношениях мотивированности, и выделенное слово образовано от наречия путём десуффиксации. Во втором случае Б.Ахмадулина использует и окказиональный способ депрефиксации, например, в случае со словом *дрезбзи*.

В поэзии Б.Ахмадулиной не было обнаружено слов, образованных без модели, но в качестве примера можно привести знаменитое *еуы* Кручёных, где слово — не только лексический, но и фонетический окказионализм: в русском языке эти фонемы не сочетаются в пределах одной морфемы. Ср. у А.Вознесенского в «Эскизе поэмы» для передачи состояния сильного аффекта, в котором находится лирический герой: «...Согласные растворились. | Остались одни гласные. | **Оауу аоии оааоыаие!**»

Таким образом, рассмотренные выше словообразовательные модели, продуктивность корпуса словообразовательных аффиксов различных частей речи презентуют особую роль окказиональных языковых единиц (имен существительных, прилагательных, наречий, глаголов) в пространстве художественного текста и — как следствие — играют свою особую роль в представлении индивидуально-авторской картины мира. Основные черты этой картины мира могут быть сведены к следующим положениям: а) продуктивность отдельных словообразовательных типов, в частности, продуктивность суффиксального словообразования всех частей речи; б) окказиональность таких единиц создается в широком смысле за счет разрушения привычных норм сочетаемости и — как следствие — появление у окказиональной единицы в пределах текста нового значения или смысла; в) эмоциональность сло-

вообразовательного уровня проявляется в его стилистической маркированности: за счет использования стилистически окрашенных аффиксов, реализующих различные смысловые оттенки (увеличенности, разговорности, просторечия), с одной стороны, и намеренная архаизация, усложнение и осложнение смысла за счет образования сложных слов (главным образом, имен существительных и прилагательных) — с другой; г) рассмотренные словообразовательные модели окказионализмов становятся реализацией заложенных в творческом процессе осмысления действительности приемов языковой игры. Установка на языковую игру снимает противоречия между узуальным и окказиональным употреблением слов. В языковой игре актуализируется как установка на норму (систему), так и на осознанное воспроизведение речевых аномалий.

Список литературы

1. Бузело А.С. Динамика развития валентных связей деривационных элементов в современном русском языке // Вестн. КазНУ им. аль-Фараби. Сер. филол. — № 4(85). — Алматы: Казак университеті, 2005. — С. 198–201.
2. Янко-Триницкая Н.А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. — Ташкент, 1975. — С. 413–418.
3. Ханпира Эр. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании // Развитие словообразования современного русского языка. — М., 1966. — С. 153–167.
4. Улуканов И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // Вопросы языкознания. — 1984. — № 1. — С. 44–54.
5. Ахмадулина Б.А. — Избранное: Стихи. — М.: Сов. писатель, 1988. — 480 с. Далее стихи Б.Ахмадулиной цитируются по этому изданию с указанием страницы в тексте.

УДК 81'

Особенность репрезентации семантики времени в ракурсе функциональной грамматики

Нуртазина М.Б.

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана

Мақала авторы функционалдык-семантикалык өрістің қалыптасу процесін жүзеге асыратын семантикалык қызмет негізінде, грамматикалык және құрылымдық лексикалык бірліктерді біріктіретін семантикалык категория ретінде қарастырады. Уақыт семантикасы аталмыш семантикалык категорияның әлемнің тілдік және концептуалдық суреттеріндегі вербализациялану мен концептуализациялану ерекшеліктерін көрсетуге мүмкіндік беретін грамматикалык және лексикалык деңгейлерде зерделенеді.

The author of article analyzes process of formation of functional-semantic fields as the semantic category which unit grammatical and lexical units on the basis of realized semantic function. Semantics of time is investigated at grammatical and lexical levels that allows to see features of verbalization and conceptualization of the given semantic category in language, on the one hand, and conceptual pictures of the world — on the other hand. So, it shows specific of using and functioning grammar and lexical units in semantic way.

Целесообразность изучения системы языка в ее целостности, учитывая при этом все ее уровни и аспекты, является одним из принципов функциональной грамматики, которая ориентируется на комплексный и интегрированный подход, при котором за основу берутся семантические категории грамматики и семантические функции, объединяющие разноуровневые языковые средства [1; 12–16, 2; 275, 3, 4; 12–13, 5–8]. Взаимодействие системы и среды (в обоих ее аспектах — как в прагматическом, так и синтагматическом) представляет собой важнейший интегративный фактор формирования функционально-семантического поля (далее — ФСП) как «базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и «строєвых лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [1; 26]. Общность функций способствует построению